

договор, заключенный во исполнение основного договора, имеет более тесную связь с иным государством, применяется право этого государства».

Список источников

1. Fawcett, J. A United Kingdom perspective on the Rome I Regulation / J. Fawcett // *La nuova disciplina comunitaria della legge applicabile ai contratti (Roma I)* / N. Bosciero [e altri] ; a cura di N. Bosciero. – Torino, 2009. – P. 191–224.
2. Ancel, M.-E. The Rome I Regulation and distribution contracts / M. – E. Ancel // *Yb. on Private Intern. Law.* – 2008. – Vol. 10. – P. 221–223.
3. Magnus, U. Article 4 Rome I Regulation: the applicable law in the absence of choice / U. Magnus // *Rome I Regulation: the law applicable to contractual obligations in Europe* / F. Ferrari [et al.] ; ed.: F. Ferrari, S. Leible. – Munich, 2009. – P. 27–50.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА *LEX VOLUNTATIS* В ВЕЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Газдюк Н.Ю., старший преподаватель кафедры международного частного и европейского права БГУ

На современном этапе развития международного частного права (далее – МЧП) вопрос о возможности применения принципа автономии воли сторон (*lex voluntatis*) для регулирования договорных отношений не вызывает сомнений. В юридической литературе небезосновательно в качестве одной из современных мировых тенденций развития МЧП отмечается тенденция расширения применения данного принципа [1, с. 106] (в частности, для регулирования внедоговорных обязательственных, брачно-семейных и наследственных отношений). Вместе с тем, вопрос о допустимости применения *lex voluntatis* в вещных правоотношениях до сих пор остается довольно дискуссионным, что обусловлено:

– во-первых, особенностями самих вещных правоотношений как объектов правового регулирования, а именно эффектом *erga omnes* (т.е. вещные права действуют в отношении неопределенного круга лиц), в связи с чем их правовое регулирование должно отличаться достаточно высоким уровнем предсказуемости и определенности и обеспечивать интересы третьих лиц. Анализ национальных правовых порядков показывает, что правовое регулирование данных отношений является очень детальным, как правило, императивным и строится на следующих принципах: определенности объектов вещных прав; *numerus clausus* вещных прав

(установление закрытого перечня вещных прав законом); публичности [2, р. 587];

– во-вторых, существенными различиями в регулировании на национальном уровне таких ключевых вопросов, как виды вещных прав и их содержание; виды объектов вещных прав и их оборотоспособность; критерии разграничения движимого и недвижимого имущества; основания и условия возникновения и прекращения вещных прав; осуществление вещных прав и их защита.

Указанные выше обстоятельства обуславливают то, что преимущественным способом правового регулирования вещных правоотношений в МЧП является коллизионно-правовой [3, с. 274], причем господствующим коллизионным принципом является закон места нахождения вещи (*lex rei sitae*), который призван «служить интересам стабильности и ясности правового оборота и потому не подлежит даже пересмотру с согласия сторон» [4, с. 195]. В этой связи большинство международных правовых актов официальной и неофициальной унификации (в том числе Киевское соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20.03.1992 г.; Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г.; Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 г.), а также национальных правопорядков (Германия, Австрия, Италия, Лихтенштейн, Польша, Болгария, Грузия, Турция, Венесуэла, Япония и др.) не предусматривают возможность применения *lex voluntatis* для регулирования рассматриваемого вида правоотношений. Международные правовые акты и национальные правопорядки, предусматривающие такую возможность, как правило, ограничиваются применением *lex voluntatis* только вещными правам на движимое имущество и только к определенным вопросам вещных прав (наиболее часто к вопросам возникновения и прекращения вещных прав на основании сделки), причем, действие *lex voluntatis* распространяется только на стороны сделки (т.н. эффект *inter partes*) и не затрагивает прав третьих лиц (в частности, Российская Федерация, Украина, Швейцария).

Что касается Республики Беларусь, то применение *lex voluntatis* допускается для решения коллизионного вопроса применительно к возникновению и прекращению права собственности и иных вещных прав на имущество, являющееся предметом сделки (п. 1 ст. 1120 ГК), и к праву собственности и другим вещным прав на движимое имущество, находящееся в пути по сделке (ст. 1122 ГК). Элемент диспозитивности, позволяющий осуществлять «косвенный» выбор права, закреплен в п. 1

ст. 1123 ГК, содержащий альтернативные коллизионные привязки для определения права, регулирующего вопросы защиты права собственности и иных вещных прав на движимое имущество (по выбору заявителя применяется право страны, где находится имущество, или право страны суда).

Поскольку не предусмотрено иное, то из буквального толкования положений п. 1 ст. 1120 и ст. 1122 ГК следует, что выбор права сторонами сделки имеет эффект *erga omnes*. В целом, представляется, что ограничение действия *lex voluntatis* только сферой *inter partis* оправдано в обязательственных отношениях, что обусловлено их сущностью и согласуется с нормами материального права, согласно которым обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц) (п. 3 ст. 289 ГК). Что же касается вещных правоотношений, то с точки зрения юридической техники необходимо либо вообще отказаться от применения *lex voluntatis*, либо рассматривать соответствующие отношения как относящиеся к сфере действия обязательственного, а не вещного статута, либо допустить действие *erga omnes*. Последний вариант представляется предпочтительным и согласуется с закрепленным в белорусском материальном праве подходом, допускающим возможность согласования сторонами договора момента возникновения у приобретателя права собственности на имущество, не подлежащее государственной регистрации (п. 1 ст. 224 ГК).

Представляется необходимым расширить сферу действия *lex voluntatis*, включив в нее не только вопросы возникновения и прекращения вещных прав на имущество, являющееся предметом сделки (п. 1 ст. 1120 ГК), и вещных прав на движимое имущество, находящееся в пути по сделке (ст. 1122 ГК), но и такие вопросы, как виды вещных прав, их содержание, осуществление и защита, при условии, что согласно избранному праву и праву страны, где имущество находилось в момент, когда была совершена сделка, имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием возникновения соответствующего вещного права, были соблюдены требования публичности. Представляется, что это позволит: во-первых, осуществить эффективное регулирование вещных правоотношений с иностранным элементом, которые соответствовали в момент их возникновения праву страны, где находилось имущество, однако, не урегулированы правом страны, в которую имущество было в дальнейшем перемещено (например, трасты, узуфрукты и др.); во-вторых, расширить перечень применяемых вещных (реальных) способов обеспечения исполнения обязательств, что приведет к большей доступности трансграничных кредитов.

Права третьих лиц могут быть обеспечены: во-первых, использованием механизмов ограничения применения коллизионного метода и автономии воли сторон в МЧП (неприменение обратной отсылки (ст. 1096 ГК); применение оговорки о публичном порядке (ст. 1099 ГК); применение свехимперативных норм (норм непосредственного применения) (ст. 1100 ГК), запрет на «обход закона» (ст. 1097 ГК); во-вторых, созданием системы материальных и коллизионных сложных правовых норм, регулирующих вопросы приоритета прав лиц, претендующих на одно и то же имущество, соответствующих критериям предсказуемости и определенности.

Список источников

1. Бабкина, Е. В. Развитие международного частного права на современном этапе / Е. В. Бабкина // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы XII Международной конференции, посвященной 92-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2013 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 105–106.
2. Elgar encyclopedia of comparative law/ edited by Jan M. Smits. – Northampton : Edward Elgar Publishing, Inc., 2006. – 821 p.
3. Международное частное право: Учебник / Л. П. Ануфриева [и др.]; отв. ред. Г. К. Дмитриева.— М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 2-е изд., перераб. и доп. – 688 с.
4. Кох Х., Международное частное право и сравнительное правоведение / Х. Кох, У. Магнус, Винклер фон Моренфельс П. ; пер. с нем. Ю. М. Юмашева. – М. : Междунар. отношения, 2003. – 480 с.

ПРАВООБЛАДАТЕЛИ И ТАМОЖЕННЫЕ ОРГАНЫ: ПРИЧИНЫ ПАССИВНОСТИ И СПОСОБЫ УКРЕПЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Иванова Е.Н., аспирант кафедры международного частного и европейского права БГУ

Одной из основных задач таможенных органов Республики Беларусь является защита прав интеллектуальной собственности. Закон Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» от 10.01.2014 г. (далее – Закон) предусматривает возможность применения таможенных мер защиты исключительных прав на товарные знаки и знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, объекты авторского права и смежных прав только по инициативе обладателей этих прав. Соответственно, правообладатель, имеющий основания полагать, что его права могут быть нарушены, подает в Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее – ГТК) письменное заявление о